

Возможно, именно из-за того, что ей довелось переродиться, Шэнь Аньгэ начала верить в богов и Будду. Раз уж сегодня предстояло идти в храм, еще с вечера она велела слугам собрать лепестки цветов для ванны, а после омовения облачилась в простое, чистое белье.

На удивление, ночь прошла без сновидений. Глядя в бронзовое зеркало на свое отражение — кожа нежная, с розоватым оттенком, щеки полные, словно отполированный белый нефрит, — Шэнь Аньгэ невольно усмехнулась: в пятнадцать лет грех выглядеть иначе.

Она позволила Юнь Чжи нанести лишь легкий макияж.

Юнь Чжи редко видела хозяйку в таком добром здравии, поэтому, не прекращая хлопотать, продолжала болтать:

— Барышня, вы не представляете! Только вчера вы отказали дому Чжоу, а сегодня к нам уже сваха пожаловала!

Шэнь Аньгэ промолчала, а Юнь Чжи с легкой гордостью добавила:

— А ведь еще на днях те высокородные девицы судачили, что вы совсем не знаете своего места... Впрочем, неважно, вы ведь уже дали от ворот поворот дому Чжоу.

Шэнь Аньгэ лишь вздохнула. Ее репутация навязчивой девицы действительно глубоко укоренилась в умах людей, и теперь, когда она совершила столь неожиданный поступок, об этом, вероятно, знает весь город. Оставалось лишь надеяться, что во время сегодняшней прогулки она не встретит никого лишнего.

У ворот поместья генерала, величественных и незыблемых, уже ждала запряженная карета. Заметив, что из дома выходит мать, а в руках у служанки корзина с благовониями, Шэнь Аньгэ окликнула ее:

— Матушка, вы тоже собрались в храм?

Госпожа Шэнь издалека заметила свечи и ароматические палочки в руках Юнь Чжи.

— Аньгэ, ты тоже идешь молиться?

Шэнь Аньгэ сладко улыбнулась:

— Да, матушка. Я хочу попросить бодхисаттву защитить вас, отца и брата, чтобы вы всегда были здоровы и не знали бед.

— А ты, матушка, куда? — спросила Аньгэ.

Госпожа Шэнь посмотрела на дочь с материнской нежностью:

— Иду поблагодарить бодхисаттву за то, что моя Аньгэ наконец прозрела и свернула с ложного пути на верный.

Шэнь Аньгэ поняла, о чем речь. Дом Чжоу действительно был логовом тигров и волков, но выражение про ложный путь заставило ее внутренне горько усмехнуться.

— Матушка, сегодня дует сильный ветер, позвольте мне сходить вместо вас. Вы ведь жаловались на головную боль.

Госпожа Шэнь коснулась своей повязки на лбу. Ее Аньгэ стала такой внимательной и заботливой! Пусть нрав у нее все еще оставался живым, но теперь в ней появилась истинная благородная сдержанность.

— Хорошо, раз голова и правда болит, сходи вместо меня.

Для Шэнь Аньгэ это было даже к лучшему: она хотела помолиться об отвращении бед и напастей. Она понимала, что рано или поздно столкнется с Чжоу Цзином, ведь совсем недавно отказала ему, и лучше уж объяснить на людях, чем позволить ему явиться в дом.

К полудню солнце стояло в зените, и в храме Цзинань было не протолкнуться. Когда карета поместья Шэнь въехала на улицу Юннин, Аньгэ подумала, что действительно давно не выбиралась в город.

— Барышня, вы ведь раньше всегда ездили верхом, почему сегодня решили в карете? — Юнь Чжи заметила, что хозяйка сегодня необычайно тиха.

— Упала, вот и боюсь теперь садиться на коня.

Ветер приподнял занавеску, и Шэнь Аньгэ мельком увидела впереди роскошную карету с кисточками по углам — не иначе как из богатого или чиновничьего дома.

У храма Цзинань стража подставила подножку, чтобы помочь Аньгэ выйти. Лишь коснувшись земли, она поняла, что та самая карета тоже здесь. Взяв с собой Юнь Чжи, Аньгэ направилась напрямик в главный зал, где искренне и благоговейно вознесла молитвы. В этой жизни она хотела, чтобы все прежние изъяны обернулись совершенством.

Когда они вышли, близилось время обеда. Посмотрев на палящее солнце, Аньгэ решила, что раз уж выбралась, стоит немного прогуляться.

Раздалось урчание в животе. Юнь Чжи засуетилась:

— Барышня, проголодались? В храме готовят постные блюда, может, поедим здесь?

Шэнь Аньгэ кивнула — она и правда была голодна.

— Подождите, барышня, постный обед в храме Цзинань нужно заказывать заранее, я схожу узнаю.

Аньгэ удержала ее за рукав:

— Я пойду с тобой.

Едва войдя в трапезную, Шэнь Аньгэ почувствовала на себе пристальный взгляд. Проследив за ним, она увидела Цяо Юйлань, дочь канцлера, с которой они пересекались несколько дней назад. Похоже, это была ее карета.

Надо же было встретить именно ее! Глядя на ее насмешливую улыбку, Аньгэ поняла, что та пришла явно не с добрыми намерениями.

Пока Юнь Чжи выясняла насчет еды, Цяо Юйлань поднялась со стула и не спеша направилась к ним.

— Говорят, ты упала с лошади и повредила голову? Неужели настолько поглупела или обезобразилась, что не смела показываться на людях?

Аньгэ не хотела ввязываться в перепалку и отвесила поклон:

— Госпожа Цяо, в тот день я была неправа, вела себя слишком импульсивно. Прошу прощения за свою дерзость.

Такая внезапная перемена ошарашила Цяо Юйлань. Она-то надеялась унижить ее, а теперь, если она продолжит нападать, то прослывет в городе вздорной девицей из дома канцлера.

Цяо Юйлань скованно ответила на поклон:

— Раз так... то я прощаю тебя. Считаю, что инцидент исчерпан.

Подумав секунду, она добавила с раздражением:

— Какое ты имела право отказывать молодому господину Чжоу? Ты так опозорила его!

Шэнь Аньгэ улыбнулась, пытаясь ее успокоить:

— Госпожа Цяо, вы, должно быть, что-то неверно поняли. У меня нет чувств к старшему брату Чжоу, и брак со мной лишь принес бы ему несчастье.

Аньгэ опустила взгляд и не увидела глубокого, подозрительного выражения на лице собеседницы.

— Ты правда не любишь молодого господина Чжоу?

— Не люблю.

Улыбка Цяо Юйлань стала шире, и она с высокомерным видом указала на Аньгэ:

— Значит, ты водила его за нос? Наверняка уже присмотрела кого-то другого? А если не любишь, то почему все время крутишься рядом? Кто знает, какие низкие помыслы у тебя на уме. Неужели в доме господина Шэнь так воспитывают дочерей?

— Не ожидал, что девица из дома канцлера способна на такие речи, — раздался мужской голос за спиной.

Теперь Шэнь Аньгэ поняла, к чему были все эти вопросы — Цяо Юйлань просто хотела, чтобы ее услышал Чжоу Цзин.

Чжоу Цзин встал рядом с Аньгэ и холодно посмотрел на Цяо Юйлань:

— Госпожа Цяо, мои личные дела вас не касаются.

Цяо Юйлань в ярости потеряла контроль:

— Брат Цзин, она же бессердечная женщина! Ты сам только что слышал: она тебя не любит, но все равно крутится рядом. Кто знает, не ищет ли она кого получше, чтобы потом бросить тебя?

Шэнь Аньгэ промолчала, лишь бросив взгляд на разгневанного мужчину рядом.

— Замолчи, — отрезал Чжоу Цзин.

Цяо Юйлань топнула ногой и, не в силах сдержать досаду, ушла.

Вернувшаяся Юнь Чжи увидела, как ее госпожа благодарит Чжоу Цзина, и поспешила подойти.

— Молодой господин Чжоу.

Чжоу Цзин улыбнулся и попросил Юнь Чжи:

— Позволишь мне занять твою госпожу на четверть часа?

Юнь Чжи посмотрела на Аньгэ, получила ее безмолвное согласие и ответила:

— Барышня, постный обед закончился, я подожду вас у кареты. — Затем она поклонилась Чжоу Цзину: — Молодой господин, прошу, проводите мою госпожу к карете, когда закончите.

Когда Юнь Чжи отошла, они остались вдвоем. Шэнь Аньгэ посмотрела на Чжоу Цзина — нахлынули воспоминания из прошлой жизни. Она часто моргнула, скрывая чувства. Теперь, когда брак не состоялся, его будущее, возможно, сложится иначе.

— Молодой господин Чжоу, — вежливо склонилась Аньгэ.

Всегда учтивый Чжоу Цзин на этот раз церемониться не стал: он взял ее за запястье и быстрым шагом повел под галерею.

— Аньгэ, это слова моей матери тебя разозлили? Она совсем не такая, как ты думаешь. Я никогда не возьму в жены какую-нибудь принцессу или графиню, неужели ты не знаешь? — спросил он с тревогой, как только они оказались в уединенном уголке.

Шэнь Аньгэ взяла себя в руки. Чжоу Цзин был расстроен, и она не могла позволить себе поддаться эмоциям. Она уже обдумала, что сказать. Высвободив запястье, она отступила на два шага, сохраняя дистанцию, и снова поклонилась:

— Вы слишком много думаете, господин Чжоу. Слова вашей матушки вполне разумны. Родители всегда пекутся о будущем своих детей...

Аньгэ помолчала, опустив ресницы:

— С тех пор как я получила травму, я сама не своя. И, поразмыслив, поняла: все эти годы я воспринимала вас лишь как старшего брата. Ваша матушка проявила ко мне чрезмерную милость, но я просто не могу представить, как буду вступать в брак с человеком, который для меня словно родной брат...

— К тому же, несколько дней назад в порыве импульса я совершила поступок, который бросает тень на вашу репутацию, — это было непростительно.

— Господин Чжоу... — Аньгэ слегка нахмурилась, изображая беспомощность, — вы понимаете, что я хочу сказать?

Чжоу Цзин, хотя и служил в армии с юных лет, не перенял грубости военного лагеря. Его манеры оставались утонченными и мягкими. Рука, которую он хотел поднять, медленно опустилась. Услышав такой ответ и увидев выражение лица Аньгэ, он сменил гнев на глубокое разочарование.

С покрасневшими глазами он спросил:

— Аньгэ, ты... ты говоришь правду?

— Господин Чжоу, когда я вас обманывала? — тихо ответила она. — Мне искренне жаль. Я растерялась, услышав о сватовстве, и вела себя неподобающе перед вашими родителями. Если доведется встретиться, я обязательно принесу им извинения лично.

Чжоу Цзин приехал сюда не за извинениями. Он думал, что она обиделась на то, что он долго не открывал ей своих чувств, поэтому и ответила тогда родителям так резко. Неужели она правда не злится на него? Но сегодня она выглядела безупречно, на щеках румянец, речь гладкая — ни в жестах, ни в словах не было фальши. Раньше она и двух слов при нем связать не могла, краснея до корней волос, а тут говорит так уверенно...

Неужели всего за несколько дней после травмы прежние чувства в ней окончательно остыли?

— Аньгэ... может, у тебя... есть какая-то тайна?

Она смотрела на него широко открытыми глазами, терпеливо ожидая ответа, лицо ее было спокойным. В конце концов, он так и не смог произнести вопрос о тайне, отвел взгляд и помрачнел. Глядя на него, Аньгэ чувствовала, как сжимается сердце, но ради них обоих этот брак должен был быть расторгнут раз и навсегда.

Она вынуждена была стать злодейкой, чтобы окончательно отсечь его надежды. На этом история была закончена.

Шэнь Аньгэ и Чжоу Цзин вышли из-под галереи. Вокруг было полно людей, пришедших вознести молитвы, и их разговоры были отчетливо слышны. Внезапно Аньгэ замерла, а по всему телу пробежала дрожь, словно у испуганного зверька.

Два слова, прозвучавшие в разговоре двух богато одетых людей, эхом отозвались в ее ушах:

— Гу Цин.

Имя, которое в прошлой жизни было выжжено в ее костях, заставило ее содрогнуться от ужаса.

<http://bllate.org/book/18485/1773593>